

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

ЭКВИВОКАЦИЯ В «МАКБЕТЕ» ШЕКСПИРА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В «Макбете» практически все действующие лица прибегают к эквивокации: вещи сестры и видения, Макбет и леди Макбет, их подданные, особенно по мере нарастания тирании Макбета и – двоесмыслия. Статья реконструирует исторический контекст: каким образом и по каким причинам проблема эквивокации становится столь актуальной к 1606 году. В центре внимания – противозаконная в Англии деятельность иезуитов Роберта Саутвелла и Генри Гарнета, судебные процессы над ними (в 1595 и 1606 годах соответственно), обсуждение доктрины эквивокации, способов эквивокации. Понимание контекста обогащает восприятие пьесы и принципиально важно для переводчиков «Макбета» на русский язык.

«Макбет», Шекспир, эквивокация, молчаливая оговорка, «Трактат об эквивокации», Роберт Саутвелл, Генри Гарнет, Пороховой заговор.

«Макбет» традиционно датируется 1606 годом. Начало этой датировки положил ирландский ученый Эдмонд Мэлоун (Edmond Malone, 1741–1812), первый серьезный исследователь хронологии пьес Шекспира. Новейшие исследователи, вплоть до Джеймса Шапиро с его последней книгой, посвященной 1606 году [19], придерживаются этой точки зрения: «Макбет» написан вскоре после «Короля Лира» перед «Антонием и Клеопатрой», или Шекспир дописывал «Макбета» и уже писал/обдумывал «Антония» (об этом свидетельствуют переключки в пьесах).

Прошло три года с тех пор, как Яков VI Шотландский стал королем Англии Яковом I: провозглашен королем в Эдинбурге, коронован 25 июля 1603 года в Вестминстерском аббатстве. Яков (1566–1625) верил, что его корни восходят к Банко, тану Лохаберскому. Как историческую фигуру Банко описывал Рафаэл Холинshed (Raphael Holinshed, 1529–1580), английский хронист, один из авторов «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» («The Chronicles of England, Scotland and Ireland», 1577, 1587), главного источника «Макбета». Холинshed опирался на «Шотландскую историю» («Scotorum Historiae», 1526) Гектора Бойса (Hector Boece; Boece; Boise, 1465–1536), шотландского философа и историка, и мысль о том, что Бойс сам придумал Банко и его сына, – явление гораздо более позднего времени.

В 1.3 (указание на акт, сцену, при необходимости – строки) Шекспир показывает, как вещи сестры предсказывают Банко, что он станет родоначальником династии королей; в 4.1 перед Макбетом проходит кажущаяся ему бесконечной процессия потомков Банко. В руках восьмого из королей (Яков считался восьмым) – зеркало, отражающее многих последующих.

Высока вероятность того, что трагедия написана (или в нее внесены финальные изменения¹) после рас-

крытия Порохового заговора – неудавшейся попытки группы английских католиков взорвать здание парламента 5 ноября 1605 года. В этом отношении обращает на себя внимание слово *эквивокация* и его производные. На рубеже веков слово было термином, употреблявшимся главным образом в религиозной полемике, и использование термина привратником в 2.3 вызывает вопрос: отчего он, не ученый, тяготеет к латинизации?

Пороховой заговор сделал слово «крылатым», и становятся понятными аллюзии на *эквивокацию* в речи привратника, а также разговор леди Макдуф с сыном о предательстве и повешении предателей. Когда она, отвечая на вопросы сына («А что такое изменник? – Это тот, кто клянется и лжет. – И все, кто так делает, изменники?»), произносила: «Всякий, кто так делает, изменник и должен быть повешен» (4.2. Пер. М. Лозинского²), – приверженцы официальной религии могли аплодировать, соотнося слова с Пороховым заговором.

Слово «проснулось знаменитым» после судебного процесса над иезуитом Генри Гарнетом 28 марта 1606 года. Будучи подозреваемым в участии в заговоре, отец Гарнет «уваливал от ответов». Это было воспринято как в высшей степени недостойное, особенно для священника, лукавство или двуличие, о чем тогда много говорили.

Речь привратника, должно быть, написана после 3 мая 1606 года, когда Генри Гарнет был казнен. Об этом свидетельствует замечание привратника о невозможности эквивокации Богу: «Faith, here's an equivocator that could swear in both the scales against either scale, who committed treason enough for God's sake, yet

¹ Знаменитый шекспировед Джон Доувер Уилсон полагал, что «Макбет» написан в 1601–1602 годы [23]. Шотландский ученый

Артур Мелвилл Кларк – в 1601 году [8]. Дэниэл Амнеус, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, различал две версии трагедии: 1599 года и значительно сокращенную, наскоро переписанную в 1606 году (она и была опубликована в Первом фолио) [6].

² Переводы М. Лозинского и Б. Пастернака цитируются по изданию [3], В. Гандельсмана – [4].

could not equivocate to heaven»³ (2.3.8–11. Пер. М. Лозинского: «А это двуличный человек, который умел класть присягу на любую чашу весов против любой чаши; сколько он ни совершил предательств во имя Господне, а все ж таки Царства Небесного своим двуличием не достиг»). Первым на эту аллюзию указал священник и исследователь Уильям Уорбертон (William Warburton, 1698–1779), издатель 8-томного СС Шекспира в 1747 году.

Тема эквивокации в пьесе многогранна, и если в одних случаях шутки призваны позабавить (так, привратник шутил с Макдуфом, что вино – величайший провокатор, потому что вино – эквивокатор: оно пробуждает желание, но усыпляет потенцию), то в других – эквивокация доводит до отчаяния. Услышав от Макдуфа, что он не рожден, но извлечен из чрева матери с помощью кесарева сечения, Макбет теряет почву под ногами: «Accursed be that tongue that tells me so, / For it hath cowed my better part of man. / And be these juggling fiends no more believed / That palter with us in a double sense, / That keep the word of promise to our ear, / And break it to our hope» (5.8.17–22. Б. Пастернак: «Язык отсохни, это возвестивший! / Он сразу мужество во мне сломил! / Не надо верить прорицаньям ада, / Проклятье им за их двойкий смысл! / Слова их не обманывают слуха, / Чтоб тем полней надежды обмануть»).

Абстрагируясь от Видений, словам которых поверил Макбет, зададимся вопросом: что стояло в реальности за *вводящими в заблуждение извергами* («juggling fiends» 5.8.19), за *эквивокацией искусного во лжи злодея* («th'equivocation of the fiend, that lies like truth» 5.5.42)? Трагедия пронизана атмосферой тирании и двоемыслия, и, как следствие, – эквивокацией, причем понимание сущности эквивокации принципиально для перевода. Прав ли В. Гандельсман, когда привносит свои ассоциации в перевод последней цитаты: «Чтоб твой язык отсох! / Ты испугал того, кто был бесстрашен. / Все тот же дьявольский факир на час, / который облапошивает нас / игрой в слова и, раздражив, тебя осаживает»? Фраза запоминается, но что за *факир на час*, и *факира* ли на час мог иметь в виду Шекспир?

На рубеже веков слово было термином: употреблялось преимущественно в теологических трудах. Нейтральными по отношению к религиозной пропаганде авторами оно использовалось в значении «двузначность, неопределенность, неоднозначность». Джеймс Шапиро подчеркнул, что до «Макбета» Шекспир употребил слово *эквивокация* однажды – в «Гамлете» [19, р. 178]. (Однокоренное слово звучит во «*Всё хорошо, что хорошо кончается*»⁴: «What an equivocal companion is this!»⁵ (5.3.249–250. Пер. Т. Щепкиной-Куперник: «Что это за двусмысленный малый?»)) Вопросы о времени написания этой пьесы, ее соотносительности с Пороховым заговором продолжают оставаться спорными [20].) Напомню, как вслед за остротой первого могильщика в ответ на вопрос Гам-

лета, кого похоронят в могиле («One that was a woman sir, but rest her soul, she's dead» 5.1.134–135), Гамлет замечает Горацио, что им следует говорить предельно точно, чтобы не сбиться с курса разговора: эквивокация может им повредить. «How absolute the knave is. We must speak by the card or equivocation will undo us» (5.1.136–137). Все переводчики на русский изобретательны. Приведу некоторые из переводов.

– Андрей Кронеберг: «Каков смельчак! с ним надо говорить осторожнее, он загоняет нас словами».

– К.Р. (Константин Романов): «Что за задира этот мужлан! Надо говорить с ним как можно точнее, а то он заставит нас замолчать своими двусмысленностями».

– Борис Пастернак: «До чего досконален, бездельник! С этим народом надо разговаривать с оглядкой, а то пропадешь от двусмыслиц».

– Алексей Цветков: «Что за буквоед этот болван! Прямо по-писаному с ним говори, а то ведь замучает эквивоками». (Интересный и справедливый выбор слова.)

К 1606 году, когда Шекспир в «Макбете» показывает явление эквивокации в действии и несколько раз прибегает к слову, его знают практически все. Благодаря Пороховому заговору, вернее, его освещению правительственными источниками, слово приобрело пейоративные, откровенно антикатолические ассоциации. Что касается католиков, они могли и до того знать об эквивокации из наставлений преследуемых законом иезуитов и/или противозаконного чтения «Трактата об эквивокации» [22], о котором речь пойдет далее.

В это время слово ассоциируется с сокрытием информации, когда, заботясь о безопасности своей жизни и жизни других (тех, кто укрывал иезуитов и католических священников), но в стремлении не замараться грехом лжи, приходилось прибегать к умолчанию или изощренному высказыванию. Слова следовало выбирать так, чтобы говоривший имел в виду одно, слушавший же понимал произнесенное по-своему – не во вред говорившему. Иезуиты приблизили значение слова к изначальному термину, введенному Боэцием (ок. 480–524) и означавшему «равнозначность, равногласие, двусмысленность» [5, с. 417]. Взгляды на природу эквивокации Боэция, Пьера Абеляра, Гильберта Портретанского, а также Э. Гуссерля, Ж. Делёза, С.С. Неретиной – отдельная тема, мы же обратимся к шекспировскому историческому контексту.

В условиях Англии конца правления Елизаветы и начала правления Якова для католиков на первое место вышла реальность двоемыслия. Во время принесения клятвы под присягой эквивокация была единственным средством для католических священников избежать, с одной стороны, лжесвидетельства, с другой – разоблачения. Проблема существовала давно (в 1585 году был принят закон, запрещающий английским подданным Елизаветы, принявшим католическое священство или монашество после ее вступления на трон, находиться в Англии более сорока дней; аналогичным образом ввели запрет и на их укрывательство⁶), но обострилась в связи с Пороховым загово-

³ Оригинал цитируется по последнему Арденовскому изданию «Макбета» [2].

⁴ Отсылка к этой пьесе указана В.С. Макаровым. (Моя благодарность за обсуждение статьи в личной переписке, замечания и предложения Владимиру Сергеевичу Макарову.)

⁵ «Всё хорошо, что хорошо кончается» и «Гамлет» цитируются по [1].

⁶ На основании «Акта против иезуитов, священников-семинаристов и других подобных им непокорных лиц» (1585) были казнены 123 католических священника и 36 католиков-мирян [9, р. 29; 14, р. 246].

ром. В ходе расследования была обнаружена рукопись с опасной для властей иезуитской аргументацией – обоснованием эквивокации. В условиях, когда католикам было жизненно важно не открывать то, что могло быть использовано против них, доктрина эквивокации позволяла высказываться двусмысленно, более того, умалчивать часть информации, если в сердце говоривший знал истину.

В этой статье я не буду касаться двух главных сюжетных линий Порохового заговора: происходившего в центре Лондона и в родном Шекспиру Уорикшире (Джеймс Шапиро условно назвал эту линию «робин-гудовской» [19, р. 145]), где встречались заговорщики, собирали оружие для католического восстания, предметы культа – для использования по их изначальному назначению. Обе линии заговора нашли каждая свою и вместе – общую развязку. Готовившие Пороховой заговор были схвачены, и следующим этапом деятельности властей стало обсуждение тех пагубных идей, которые они сочли вдохновлявшими заговорщиков. Внимание перешло к префекту английских иезуитов отцу Гарнету.

Генри Гарнет (июль 1555 – 3 мая 1606) родился в городке Хинор в Дербишире. С 1565 года учился в грамматической школе Ноттингема, с 1568-го – в колледже Уинчестера. (Известно, что он был самым музыкально одаренным учеником в школе. Обладал не только редким поразительным голосом, но и превосходно играл на лютне – в течение всей жизни.) В 1571 году Гарнет отправился в Лондон заниматься книгоизданием. Работал корректором у Ричарда Тоттелла (Richard Tottell). В 1575 году оставил Лондон, чтобы вступить в Орден Иисуса. Учился в иезуитской коллегии в Риме столь увлеченно, что Верховный генерал Ордена хотел, чтобы Гарнет посвятил себя науке и «тихой жизни», стал его преемником. Планам не суждено было сбыться: пришлось уступить Уильяму Уэстону (William Weston), нуждавшемуся в Англии в свежих силах – из иезуитов на свободе остался он один, а католики нуждались в пасторском попечении.

В мае 1586 года Верховный генерал Ордена направил в Англию двух молодых смертников – Роберта Саутвелла и Генри Гарнета. Принимая во внимание судьбы их предшественников, возвращение на родину было равносильно – раньше или позже – обречению на пленение, пытки и публичную казнь.

Сэр Фрэнсис Уолсингем (Sir Francis Walsingham, ок. 1532–1590), член Тайного совета, государственный секретарь, был проинформирован о прибытии молодых людей в Лондон 8 июля, затем в августе, но поначалу никаких действий не предпринимал. Гарнет и Саутвелл встретились с Уильямом Уэстоном. До сих пор ему удавалось избегать ловушек шпионов и предателей, но скоро его поймут. Ради безопасности новоприбывшие стали действовать поодиночке; согласно распоряжению, они могли встречаться не чаще двух раз в год. В домах католиков-джентри они тайно проводили богослужения, исполняли католические обряды, проповедовали.

Подпольная деятельность Генри Гарнета в Англии продолжалась почти двадцать лет. Помимо остальных достоинств, он отличался умеренностью и крайней осторожностью. Был превосходным руководителем:

при нем число иезуитов выросло до сорока. Роберт Саутвелл был казнен на десять лет раньше – 21 февраля 1595, поэтому логично прежде сказать о нем.

РОБЕРТ САУТВЕЛЛ. ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ ЭКВИВОКАЦИИ КАК СУДЕБНОГО ДЕЛА В АНГЛИИ

Роберт Саутвелл родился в конце 1561 года в графстве Норфолк. Дед, Ричард Саутвелл, служил придворным при Генрихе VIII. Мать происходила из рода Шелли (по материнской линии у Саутвелла есть родственная связь с Перси Биши Шелли). В мае 1576 года Роберт Саутвелл покинул Англию – отправился в Английский колледж Уильяма Аллена в Дуэ (Douai). В конце ноября 1576 года в целях безопасности уехал в иезуитский колледж в Париж, к концу июня 1577-го вернулся в Дуэ. С 1578-го он в Риме, в Римском колледже.

На эти десять лет (1576–1586) языком его духовного воспитания и образования стала латынь. По возвращении на родину английский пришлось восстанавливать – «приводить в соответствие» со ставшим родным языком святых отцов, учителей Церкви, богословов. Сохранился незавершенный набросок проповеди о Марии Магдалине, в основу которой положен текст латинского трактата, приписываемого святому Бонавентуре. Первая часть демонстрирует настойчивую попытку Саутвелла выразить мысли на сопротивлявшемся ему родном языке. Он вычеркивал и подчеркивал слова, но нужные подчас так и не находил, так что в результате оставал исходную латынь. Словарь проповедей более позднего периода будет менее, но, безусловно, тоже латинизирован; влияние латыни ощутимо на уровне структуры предложений, использования инверсий.

Помимо своей непосредственной деятельности Роберт Саутвелл писал. Его стихи переписывались и распространялись среди католиков, причем восхищались ими не только неискушенные. Бен Джонсон говорил, что отказался бы от многого им написанного, чтобы создать «Горящего младенца» («The Burning Babe»), одно из поразивших его стихотворений Саутвелла.

Гонимый и вне закона, Роберт Саутвелл увидел первые свои труды напечатанными. Сначала была тайно опубликована проза: «Послание утешения» в 16 главах (*An Epistle of Comfort*, 1587). В 1591 году с разрешения Архиепископа Кентерберийского Габриэл Кавуд (Gabriel Sawood) выпустил медитацию в прозе «Прощальные слезы Марии Магдалины» (*Marie Magdalens Funeral Teares*). В Реестр книгоиздателей была внесена соответствующая запись от 8 ноября 1591 года [21]. К 1636 году вышли семь переизданий в Лондоне, два – на континенте. В обращении к читателю автор ясно обозначил свои намерения, которые останутся неизменными на протяжении всей жизни: переориентировать лучшие умы на выбор таких страстей, говорить о которых не стыдно, их испытывать не грешно. В год смерти (уже после казни) в Лондоне вышли шесть изданий трудов Саутвелла.

И его жизнь, и поэзия – в абсолютном устремлении к небесному. Лишь красота божественного способна его удовлетворить, медитации о божественном

– животворить. В поэзии Саутвелл открыл просторы метафизического измерения с его иной логикой, преобразующей мышление. Скорость мышления у него необыкновенно возрастает, острота мысли максимально способствует узрению начал и концов земного, прозрению небесного. В этом направлении духовной поэзии (*divine poems*) позднее работал Джон Донн.

Мог ли Шекспир знать о Роберте Саутвелле или знать его самого? Джон Клаузе в книге «Шекспир, граф и иезуит» показывает характер связей, объединявших этих разных людей: поэта и драматурга Уильяма Шекспира; Генри Ризли, 3-го графа Саутгемптона (1573–1624); иезуита Роберта Саутвелла [16]. С возможным учетом того, что версия Клаузе – «биографическая ересь», показ словесных и концептуальных переключек написанного Шекспиром и Саутвеллом любопытен. До этой книги автор опубликовал серию статей, выявлявших влияние Саутвелла на Шекспира, и в частности отзвуки написанного Саутвеллом в шекспировских сонетах, «Тите Андронике», «Короле Иоанне», «Венецианском купце». В книге Клаузе подробно останавливается на «Лукреции», «Венере и Адонисе», «Комедии ошибок», «Гамлете», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Мере за меру». В данной статье я упустил эту тему – вернемся к истории.

Когда за поимку Саутвелла взялся Ричард Топклифф (Richard Topcliffe, 1531–1604), следователь и один из самых печально известных мастеров пытки в Англии, стало понятно, что Саутвелл обречен. О семье Ричарда Беллами (Richard Bellamy), известного дома рекузантов⁷, его дочери Энн (Anne Bellamy) подробно рассказывает Джеймс Шапиро [19, р. 186–191]. В доме Беллами, по словам Топклиффа, в разное время нашли прибежище 15–16 иезуитов и священников, и никто из них до тех пор захвачен не был. Для того чтобы взять Саутвелла, нужен был особый план, и Топклифф его разработал.

26 января 1592 года Энн Беллами как упрямая рекузантка была арестована и заключена в Гейтхаус (Gatehouse). На тот момент ей 29 лет, она не замужем. Вскоре ее передали Топклиффу. К концу марта она беременна, и отцом ребенка почти наверняка был 60-летний Топклифф. О муже для нее он позаботится: им станет его помощник Николас Джоунс (Nicholas Jones), сын ткача. Шапиро отмечает, что прежде о сексуальных домогательствах Топклиффа известно не было, и в данном случае они могли стать средством оказания влияния, чтобы не сказать устрашения [19, р. 187]. Осеменив, Топклифф использовал женщину, чтобы заманить в ловушку Саутвелла. Через брата Томаса она назначила встречу Саутвеллу, бывавшему в доме ее отца, и он на эту встречу пришел. Так в июне 1592 году после шести лет успешной миссионерской деятельности Саутвелл был арестован.

Его пытали, сначала дома у Топклиффа, затем – в тюрьме. Руки заламывали назад, постепенно подни-

мая на них человека. Боль от медленного выворачивания суставов была ужасной. Измученный пытками (он пережил десять) и бездействием (писать ему не позволили), Саутвелл молил о судебном процессе. В феврале 1595 года – после почти трех лет в тюрьме – его прошение удовлетворили.

Процесс шел в Вестминстере (King's Bench). Согласно закону государства, он совершил измену. Согласно Закону Божьему, определявшему для Саутвелла всё, он исполнял свой пасторский долг. Писанный закон versus Закон Божий. Судили уже упомянутый Ричард Топклифф, следователь: а также

– сэр Джон Попхэм (Sir John Popham, 1531–1607), Генеральный прокурор, затем Верховный судья Англии; он будет вести суды над Уолтером Рэли (1603), Гаем Фоксом (1606);

– сэр Эдвард Кук (Sir Edward Coke, 1552–1634), политик и самый известный юрист эпохи правления Елизаветы и Якова: он примет участие в процессах над графом Эссексом, участниками Порохового заговора, Генри Гарнетом, сэром Уолтером Рэли.

20 февраля 1595 года Роберт Саутвелл отважно защищался. На открытом заседании суда он обвинил Топклиффа в применении пыток. Изошренные пытки внешних следов не оставляли, и мучитель бросил вызов собственной жертве продемонстрировать следы истязаний. «Попроси женщину показать следы родов», – с негодованием ответил подсудимый. Упоминание Топклиффа о том, что у него есть королевское разрешение использовать пытку, вызвало предельно краткий ответ Саутвелла: «Ты – плохой человек» [18].

Помимо того, что Саутвелл был рукоположен священником после вступления на престол Елизаветы, он был обвинен в том, что сказал свидетельнице Энн Беллами, что, если бы власти под клятвой спросили ее, видела ли она католического священника, было бы законно ответить «нет», хотя бы она видела, думая про себя, что она не видела его с намерением выдать. Насколько мне удалось выяснить, это был первый случай обсуждения эквивокации во время судебного разбирательства в Англии.

Саутвелл не ожидал услышать свидетельства Энн, но отвечал аргументированно и убедительно, что это не только его мнение, но и мнение Отцов церкви. Отстаивать доктрину эквивокации было исключительно сложно: судьи находили ее варварской и постоянно прерывали Саутвелла (для них он – священник-семинарист).

Подсудимый бросил вызов Эдварду Куку, что, если тот не признает доктрины, он продемонстрирует, что Кук не является хорошим подданным королевы и ее другом. Любопытство взяло верх, и Кук позволил ему говорить. Саутвелл предложил представить, что королеву преследуют враги в стремлении лишить ее короны и жизни. Куку известно, где она. Каким будет его поведение, когда его об этом спросят? Он не может выдать ее, ибо это противоречит долгу. Если он будет настаивать, что не знает, где она, это будет ложью. Выходом является отрицание знания какого-либо рода эквивокацией с целью не допустить лжи [22, р. 3–4].

Кук заявил, что предложенный случай не является аналогичным. Попхэм заметил, что «если допустить

⁷ Согласно Акту о единообразии 1559 года *рекузантом* считался тот, кто отказывался посещать службу в Англиканской церкви по воскресеньям и установленным церковью праздничным дням. Так выражали несогласие не только католики, но и сепаратисты, некоторые пуритане. В 1593 году указом Елизаветы был введен термин *рекузант-напис*, чтобы отличать католиков-рекузантов.

эту доктрину, она уничтожит всю судебную систему, ибо мы люди, а не боги, и можем судить только по внешним действиям и речам, а не по тайным внутренним намерениям» (Цит. по: [19, p. 190]. *Здесь и далее перевод мой – Л. Е.*)

Не снисходить до лжи, но, пользуясь уклончивостью языка, продолжать исполнять свой долг во времена преследований и пыток – единственно возможный путь служения, как он виделся иезуитам.

За государственную измену 33-летнего Роберта Саутвелла приговорили к повешению и четвертованию. Казнь состоялась на следующий день – 21 февраля 1595 года.

25 октября 1970 года поэт, проповедник, мученик Роберт Саутвелл был канонизирован Римским Папой Павлом VI как святой Римско-католической церкви.

«ТРАКТАТ ОБ ЭКВИВОКАЦИИ»

В апреле 1598 года Генри Гарнет в письме другу в Рим отмечал, что написал «Трактат об эквивокации». Трактат очень напоминал защиту Саутвелла, подготовленную для суда. Гарнет мог продолжить работу единомышленника после его смерти, но, если расширить границы до даты, когда написано письмо, это 1595–1598 годы. Авторство в условиях жесточайшего преследования не зафиксировано ни тем, ни другим. Со стороны Гарнета это была дань верности другу и защита того, что виделось им – инакомыслящим у себя на родине – легитимной доктриной.

Трактат сохранился как манускрипт (хранится в Бодлеанской библиотеке) и воспроизведен в издании 1851 года Дэвида Джардина [22]. Он воспринимается как написанный для отправлявшихся в Англию иезуитов (с целью сохранения католической веры) и местных католиков. Трактат готовил к опасным вопросам официальных лиц, цель которых – выяснить, на чьей ты стороне: монарха или Папы. Цена ответов предельно высока: приговор за измену вел к публичной казни. Не выдать себя, быть искусным в эквивокации было жизненно важно.

Первоначальное название труда – «Трактат об эквивокации»⁸. Генри Гарнет зачеркнул оригинальное название и написал «Трактат о лживом и обманчивом сокрытии» (*A Treatise of Lying and Fraudulent Dissimulation*). И снова, не удовлетворившись, он зачеркивает предлог «о» и вписывает «против»: *A Treatise against Lying and Fraudulent Dissimulation* [15, p. iv]. Пройдет восемь лет, и на допросе 12 февраля 1606 года отец Гарнет скажет, что полагал, что вносил изменение, думая его обсудить: не лучше ли озаглавить трактат таким образом [15, p. x]. Вспомнят об этом, поскольку в декабре 1605 года в ходе следствия над участниками Порохового заговора трактат обнаружит Эдвард Кук. Каким образом?

Гвидо Фокса взяли и пытали первым, потом аресты пошли по нарастающей. 12 ноября 1605 года был арестован и заключен в Тауэр Фрэнсис Трешем (Francis Tresham), где 23 декабря умер – официально по причине болезни. От него, его братьев Льюиса и Уильяма и Джорджа Вавасора или Вавасура (George Vavasor; Vavasour) Эдвард Кук добился признательных показаний. Он хорошо знал братьев не только как сыновей недавно скончавшегося видного рекузанта сэра Томаса Трешема (1543 – 11 сентября 1605), но и по Иннер Темпл (Inner Temple – один из четырех Судебных Иннов), где все они учились.

Там в результате обысков 5 декабря 1605 года и был обнаружен трактат. Для Кука это было поразительное открытие. Одно дело – знать, что иезуиты поощряют эквивокацию, другое – найти трактат, и не где-нибудь в тайнике в Уорикшире, а в бастиионе юридической системы в Лондоне. В письме к лорду Солсбери Эдвард Кук говорит об этом обретении в столе Фрэнсиса Трэшема [15, p. vii]. На форзаце манускрипта он написал: «Эту книгу, содержащую 61 страницу, я нашел в покоях Иннер Темпла, где обыкновенно останавливался (*used to lye* – обыгрываются значения глагола. – Л. Е.) сэр Томас Трешем, и которую он заказал для своих младших сыновей. 5 декабря 1605. Эдвард Кук» [15, p. v-vi].

Допросы Льюиса и Уильяма 9 и 10 декабря 1605 года показали, что было две копии: одна – фолио, другая – кварто (кварто хранится в Бодлеанской библиотеке). Фолио переписано с кварто Джорджем Вавасуром – слугой сэра Томаса Трешема (после смерти сэра Томаса Джордж остался на службе у Фрэнсиса). На допросе 9 декабря Джордж Вавасур признал, что четыре или пять лет назад по просьбе мистера Фрэнсиса Трешема он переписал фолио с кварто.

С обнаружением трактата и причастности изменников к его чтению и переписыванию картина заговора для Эдварда Кука начала приобретать иные измерения. Он внимательно изучил трактат. Вряд ли он мог забыть Роберта Саутвелла и брошенный ему, Куку, вызов: является ли он хорошим подданным королевы? Если Кук вдруг запямятовал, Гарнет в трактате, продолжая изложенное Саутвеллом, возвращался к этому случаю. В начале восьмой главы он писал: «Мистер Саутвелл обвинен в самой порочной и ужасной из доктрин на том основании, что он учил благородную леди, что если ее спросят, был ли он в доме ее отца, она может поклясться, что нет, не был, думая про себя, что он там был не для того, чтобы она выдала его. И как бы счастлива была эта благородная леди, если бы она никогда не узнала худшую доктрину, чем эта или какая иная из известных ею от мистера Саутвелла. Но кто те, кто обвиняют его?» [22, p. 72–73]. Думаемый, под худшим имеется в виду преподанное Топклиффом.

Трактат состоит из десяти частей⁹. Обратимся к пятой части, где рассмотрены четыре способа эквивокации.

⁸ «TREATISE of EQUIVOCATION wherein is largely discussed the question whether a Catholic or any other person before a magistrate being demanded upon his oath whether a Priest were in such a place, may (notwithstanding his perfect knowledge of the contrary) without Perjury and securely in conscience answer, No, with this secret meaning reserved in his mind, That he was not there so that any man is bound to detect it».

⁹ В скобках обозначены начальные страницы каждого из положений трактата:

1. Of the conditions required in every lawful oath (p. 6).

2. Of the variety of propositions in which verity may be found (p. 8).

Первый – намеренный выбор неоднозначного слова, когда мы употребляем его в одном значении, а наш собеседник думает о другом («Firstly, we may use some equivocal word which has many significations, and we understand it in one sense, which is true, although the hearer conceive the other, which is false» [22, p. 48]). Автор приводит пример с укрытием священника в доме, и пример основан на омонимии слов *лежать* и *лгать* в английском языке. Если кто-то спрашивает, *есть ли/остановился ли* кто из посторонних в моем доме, я отвечаю: *he lies not in my house*, имея в виду, что он не *лжет*, хотя и *находится там* [22, p. 49].

Второй способ – упущение важного момента информации. На вопрос можно дать несколько ответов: одно – открыть, другое – сокрыть. Библейский пример приведен из Первой книги Царств 16, когда Самуил, которому Господь приказал отправиться в Вифлеем помазать Давида, сказал: «Как я пойду? Саул услышит и убьет меня». Господь сказал: «Возьми в руку твою телицу из стада и скажи: я пришел для жертвоприношения Господу». И сделал Самуил так, как сказал ему Господь. Но старейшины города с трепетом вышли навстречу ему и сказали: «Мирен ли приход твой?» И отвечал он: «Мирен, для жертвоприношения Господу пришел я». Самуил сказал о второстепенной причине своего прихода, осмотрительно упустив главную, которая интересовала спрашивавших прежде всего, и этот ответ успокоил их подозрительность. Аналогичным образом – переходит к современному ему времени автор трактата – приходящий к католической мессе может ответить спрашивающим о цели прихода, что он явился на обед или увидеть кого-то из присутствующих, или любую другую предполагаемую цель, которая удовлетворит задающих вопрос [22, p. 49–50].

Третий способ эквивокации касается предложения, которое мы произносим, или отдельного слова из него, или того, что мы акцентируем, как делим предложение на части. Все это может быть неоднозначным, и мы обретаем возможность использовать неоднозначие в том смысле, который нужен нам [22, p. 50]. Приведенный автором трактата пример – о святом Франциске. Когда его спросили, не пошел ли тот, кого преследовали, тем путем, он ответил (указывая рукой в рукаве в другом направлении), что нет, этим путем не проходил [22, p. 50]. Урок очевиден.

К этим трем путям укрытия истины словами добавлен четвертый: прием умолчания, молчаливая ого-

ворка (*mental reservation*). Мы имеем с ней дело, когда говорим слова, которые сами по себе могут породить у слушателей ложную мысль, но что является истинным высказыванием в сочетании с тем, что укрыто в нашем сознании [22, p. 52]. Вслух произносится предложение, которое вводит в заблуждение слушателя, и к нему про себя добавляется некая модификация, делающая все предложение истинным. «Я не видел отца такого-то, – говорите вы и мысленно заканчиваете предложение, – чтобы выдать его вам». Согласно трактату, это эквивокация – при условии, что вы верите, Господь знает ваши мысли, даже если они неизвестны собеседнику, задающему вам вопрос.

Почему именно этот тип эквивокации вызвал наибольшее негодование судей? Контролировать его не представляется возможным. Ментальная уклончивость, реализуемая в молчаливой оговорке, является ключевой стратегией в сохранении тайной идентичности иезуитов и подпольно действовавших католических священников.

Воспроизведу более поздний документ – 1613 года, где четко выражены опасения по данному поводу: «Государство не сможет устоять, если не сломить, не подавить эту порочную доктрину, ибо, если она однажды укоренится в сердцах людей, в скором времени не будет ни веры, ни честности, ни доверия, следовательно, все общение и все контракты прекратятся, все гражданские общества нарушатся и будут аннулированы» [7, p. 250].

Как показывает Джанет Е. Хэлли, отношение к ментальной уклончивости выявляет диаметрально противоположность идеологических подходов иезуитов и их правительственных противников. Для властей социальный порядок мыслится покоящимся на прозрачности религиозной идентичности; дискурс религиозной идентичности должен быть публичным, унивокальным и ясным. Иезуиты, служа своей миссии и выполняя стоявшие перед ними задачи, концептуализировали язык как поливалентный, изменчивый, конвенциональный. Тщательно скрывая свою идентичность, они прибегали к двусмысленной речи и к мысленной (в молчании) речи [13, p. 36].

Согласно Хэлли, иезуитские сторонники эквивокации создавали сферу дискурсивной приватности, защищая свое право быть католиками и способность определять юридическую ценность вопроса, им задаваемого.

Седьмая глава «Трактата об эквивокации» оговаривает, что закон предписывает прямой ответ, только если вопрошающий удовлетворяет следующим условиям:

1) является законным вышестоящим лицом («a lawful superior»), чья власть покоится на законной передаче власти от монарха или сообщества (при отступлении монарха),

2) имеет власть над человеком, которого он допрашивает,

3) ограничивает вопросы сферой своей компетенции,

4) действует в соответствии со справедливым законом, потому что судья, исполняющий несправедливый закон, – не судья,

5) действует только в случаях, являющихся публичными и манифестированными [22, p. 68–69].

3. That there are some propositions whose verity is not to be judged according to that which is uttered in words severally, but according to the words and some other thing understood or reserved (p. 12).

4. That such mixed propositions are practiced oftentimes both in God's word and by our Saviour himself, and by his saints, where some diversity of opinion amongst schoolmen is examined (p. 20).

5. Of some other ways of equivocation practiced by saints of God, besides that which principally we defended in the chapter before (p. 48).

6. Whether it be always lawful to use these equivocations (p. 53).

7. Of the lawful use of these equivocations, together with an oath confirming our speeches either to a private person or before a lawful magistrate, and how such oaths do bind us (p. 62).

8. That this oath propounded unto a Catholic and taken by him with equivocation, wants not the first condition of an oath, that is, verity (p. 72).

9. That this oath wants not justice (p. 88).

10. That this oath wants not judgement or discretion (p. 97).

При отсутствии каких-либо из этих условий католики могли считать себя вправе переходить к эквивокации. Мгновенно закрываясь от социального взаимодействия, они могли выбрать ментальное отстранение и уклончивость.

В 1595 году за эквивокацию Роберт Саутвелл был казнен. Насколько изменилась ситуация и что ожидало префекта английских иезуитов Генри Гарнета в 1606 году?

ГЕНРИ ГАРНЕТ VERSUS «ДРАМАТУРГИ ВЛАСТЕЙ»

15 января 1606 года власти отдали приказ о задержании отца Гарнета и еще двух иезуитских священников. Отец Гарнет и отец Эдвард Олдкорн (Edward Oldcorne; Oldcorn, 1561 – 7 апреля 1606) укрылись в доме у мистера и миссис Хабингтон (Habington) в Вустере (Worcester). Замок был построен специально для того, чтобы служить убежищем преследуемым католическим священникам. Почти в каждой комнате были тайные ниши, скрытые коридоры, потайные лестницы. Стены внутри были полыми, панели ложными, печи снабжены двойными горнами.

На рассвете 20 января шериф округа Генри Бромлей (Henry Bromley) с сотней вооруженных людей нагрянул с обыском столь неожиданно, что гостям пришлось укрыться в первых попавшихся местах. Гарнет и Олдкорн оказались в тайнике, где еды было на пару месяцев, но не было места ни стоять, ни размять ноги, и самое страшное – не было возможности избавиться от экскрементов, так что вонь вскоре стала невыносимой [12, p. 259–262].

Кроме Гарнета и Олдкорна на момент прибытия шерифа в доме были еще два католика. Они спрятались в помещении без запаса еды: одно яблоко на двоих. На четвертый день, мучимые жаждой и голодом, они пытались бежать, но были схвачены. Гарнет и Олдкорн вышли из зловонного убежища на восьмой день – 27 января. Джеймс Шапиро отмечает, что даже ожидавшие их стражи были в ужасе от их вида и состояния их укрытия [19, p. 199].

В этот день в Лондоне состоялся суд над оставшимися в живых заговорщиками, где Эдвард Кук обнаружил опасную доктрину эквивокации. Видел ли кто из восьмерых «Трактат об эквивокации»? Знали ли они о существовании рукописи? Для Кука трактат был главным вещественным доказательством – средством сокрытия изменниками своих планов с благословения иезуитов.

В то время, пока ехали в Лондон, на отца Гарнета не надевали кандалы и колодки: так затекло тело. Против него прямых улик не было. Первый допрос состоялся 12 февраля. Разговор пошел не о Пороховом заговоре, и Гарнет испытал облегчение. Перед ним легла копия найденного Эдвардом Куком трактата. Отца Гарнета спросили, что он думает об эквивокации. Гарнет признал, что вносил в трактат изменения, но был против публикации. Опасность этой «невинной» темы, как ему казалось по сравнению с Пороховым заговором, он недооценил. Роли, какую приобретет эквивокация, – и представить не мог.

К этому времени (а именно 5 февраля 1606 года) Роберт Сесил (Robert Cecil, Earl of Salisbury, 1563–

1612), первый министр короля Якова, опубликовал «Ответ на определенные скандальные рукописи» (*An Answer to Certain Scandalous Papers*). Он подверг сокрушительной критике «самую страшную и неприятную» доктрину эквивокации, которая способна «разрывать все связи человеческого общежития». Чуть позже трактат будет назван «видимой анатомией папистской доктрины» («the visible anatomy of Popish doctrine») [15, p. xx].

Обсуждение эквивокации продолжалось бесконечно – до и после суда. Гарнета буквально ловили на слове и обвиняли в очередной эквивокации. Приведу его ключевое высказывание на допросе 20 марта 1606 года. Разграничив разные сферы, Генри Гарнет отметил, что «в делах морали, в обычном течении жизни, когда людям в дружеском общении нужна правда, использование эквивокации неправомерно, ибо влечет за собой огромный вред для общества и исправить его невозможно. В случаях же необходимой защиты, чтобы избежать потери, убытка или получить значительное преимущество, – если эквивокация не несет опасности для другого человека, – она законна» (Цит. по: [15, p. xxi–xxii]).

Эдварду Куку, убежденному в том, что слова под клятвой являются фундаментом организованного общества, степень деструктивности эквивокации представлялась максимальной. По его мнению, эквивокация способна нанести обществу гораздо больший вред, чем взрывчатка. Укоренившись в сердцах людей, она подорвет само общество.

Суд состоялся 28 марта. Гилдхолл был полон. Эдварду Куку потребовалось шесть часов, чтобы изложить дело относительно этой хитроумной доктрины. Власти хотели возложить вину за организацию заговора на отца Гарнета: за Гарнетом стояли иезуиты и католики. Как заметил Джеймс Шапиро, Эдвард Кук представил отца Гарнета своего рода драматургом – автором заговора. Роль уже казненных заговорщиков была сведена к исполнительской: они – актеры. Данный процесс, по Куку, должен был стать финальным актом тяжелой и горестной трагедии Пороховой измены [19, p. 202].

Генри Гарнет был обвинен в тайном сговоре с Робертом Кейтсби (Robert Catesby, 1572 – 8 ноября 1605), лидером Порохового заговора, с целью убийства короля и его сына, ниспровержения правительства и установленной в Англии церковной службы. Гарнет и Кейтсби, действительно, встретились 9 июня 1605 года. Кейтсби тогда спросил Гарнета, допустимо ли для торжества католической веры убивать невиновных вместе с виновными. Гарнет, думая, что Кейтсби имел в виду войну католиков против голландских протестантов, ответил, что в войнах часто так происходит [12, p. 154]. Кроме того, отец Гарнет был обвинен в сговоре с другими заговорщиками о взрыве палаты лордов с помощью пороха. Гарнет заявил о своей невиновности. Следующее обвинение гласило, что Гарнет участвовал во всех изменах, начиная с 1586 года, когда вернулся в страну. Он-де связан с Римом – действует по указанию Папы.

Риторикой Эдвард Кук владел мастерски. Он не прошел мимо псевдонимов отца Гарнета. Как и все иезуиты при работе в Англии, Гарнет использовал разные

имена, и Кук перечислил их: «Whalley, otherwise Darcy, otherwise Roberts, otherwise Farmer, otherwise Philips».

Кук назвал Гарнета «доктором иезуитов, то есть доктором пяти Д / пяти степеней» (игра слов в английском языке – «...a doctor of five DD's»¹⁰: хороший пример аллитерации и вкуса к остроумию начала XVII века): доктор обмана (dissimulation), свержения правителей (deposing of princes), избавления от правления (disposing of kingdoms), устрашения подданных (daunting and deterring of subjects) и деструкции (destruction) (Цит. по: [13, p. 6]).

Центром судебного разбирательства стала эквивокация: других улик против отца Гарнета не было. Следует признать, что обе стороны (и власти, и подсудимый) не обходились без лжи и уловок. Когда отца Гарнета заключили в Тауэр, он попал на нижний этаж Кровавой башни. Однажды тюремщик, которому Гарнет не раз давал денег и думал, что отношения установлены, сказал «по секрету», что рядом с ним через стену находится отец Олдкорн и указал на одну из досок в стене. Гарнет тронул ее, она отодвинулась, показалось лицо Олдкорна. Разумеется, это была провокация: регулярную беседу отцов записывали два шпиона. Когда впоследствии на допросах каждого из собеседников по отдельности спросили, общались ли они, Олдкорн признал факт общения. Гарнет, несмотря на то, что ему напомнили, что эквивокация недопустима, категорически отрицал, причем клялся душой и спасением. Узнав, что Олдкорн признался, Гарнет взмолился о милости божией. Устраивавшие эксперимент подчеркивали, что были неприятно поражены такого рода поведением, и Роберт Сесил обратил на это внимание на суде (отец Гарнет «reiterated his denial with so many detestable execrations, as it wounded the hearts of the Lords to hear him» [15, p. xxiv]). Эдвард Кук аналогичным образом акцентировал, что с помощью эквивокации Гарнет учил не только лжи, но страшному отвратительному богохульству. Эквивокация – своего рода неверность тому (язык и сердце *расходятся* = *divorce*), в чем человек клянется и что он обещает.

Второй случай лжи, упомянутый на суде, был связан с Фрэнсисом Трешемом. В его столе был найден «Трактат об эквивокации», и его поведение рассматривалось в качестве демонстрации действия доктрины на практике. Эдвард Кук спросил отца Гарнета, почему Фрэнсис Трешем перед смертью в Тауэре клялся своим спасением, что он не говорил и не переписывался с Гарнетом в течение шестнадцати лет, в то время как сам Гарнет, не зная об этом, свободно показал, что они регулярно встречались. Единственное объяснение, которое мог предложить Гарнет, было ожидаемым: «Должно быть, его намерением была эквивокация» («It maybe, my lord, he meant to equivocate») [15, p. xxvi].

Отца Гарнета выставили в смешном свете – как увиливавшего человека. В предлагаемых условиях спектакля суда защищать эквивокацию было невозможно. Как в свое время Роберту Саутвеллу, Генри

Гарнету было неуместно говорить о библейских прецедентах, о тонкостях доктрины, обсуждаемых в «Трактате об эквивокации». Слово со значением «двуосмысленность» «заболтали» и затаскали.

Для вынесения приговора судьям понадобилось пятнадцать минут. Его исполнение задержалось на пять недель. День казни настал 3 мая 1606 года. Засвидетельствовано, что необыкновенное множество народа собралось увидеть эту смерть (люди были в окнах, на крышах домов). Когда отцу Гарнету в последний раз предложили исповедаться в измене, он признал только недонесение того, что знал о заговоре из исповеди (не нарушил тайну исповеди). В очередной раз прозвучало обвинение в эквивокации. Он устало ответил: «Сейчас не время для эквивокации. Как, когда эквивокация законна, я уже говорил; но сейчас не до нее. Все, что знаю, я сказал» [17, p. 243].

У Гарнета было много сторонников, и они предотвратили снятие его из петли: сразу несколько человек ухватились за ноги, чтобы он задохнулся и избежал последующих мучений казни.

Через несколько дней после казни была напечатана баллада, излагавшая официальную версию интерпретации событий. Предсказуемо, что нацелена она была на Папу Римского: Гарнет о заговоре знал, но отрицал это с помощью эквивокации; Папа Римский позволяет эквивокацию, дабы скрыть ненавистные их намерения («was acquainted with the plot of late, / Though by equivocation he denied, / The Pope allows them to equivocate, / The root of their abhorred intents to hide») (Цит. по: [19, p. 204]).

Подошел к концу первый этап в истории английского постреформационного католицизма (1558–1605). После Порохового заговора исчезли надежды на реставрацию католицизма в Англии. Антикатолическая истерия удалась на славу. Миф о злокозненных иезуитах ушел в массы. Если допустить вполне вероятную версию, что заговор был сфабрикован в верхах английского правительства для разгрома католического подполья в Англии, картина для католиков становилась совсем безотрадной...

Слухи о том, что заговор был провокацией властей, распространились 17 ноября 1605 года через венецианского посла Николло Молина. Полагали, что Роберт Сесил придумал и в итоге разоблачил заговор. Одного из заговорщиков, Томаса Перси, якобы агента-провокатора, будто бы неоднократно видели выходящим ночью от Сесила. Сам Сесил всегда стремился подчеркнуть факт раскрытия Порохового заговора как свидетельство эффективной деятельности возглавляемой им службы безопасности.

Иезуит Фрэнсис Эдвардс считал, что Пороховой заговор был спровоцирован Робетом Сесилом, прежде всего, как убежденным врагом католицизма. Сесил сознательно использовал двойных агентов, и Роберта Кейтсби при задержании убили намеренно: Сесил опасался, что Кейтсби не станет молчать. Эдвардс называет двойными агентами Гвидо Фокса и Томаса Перси [11].

По мнению Антони Фрэйзер, Роберт Сесил мог узнать о Пороховом заговоре на довольно поздней стадии благодаря откровениям Томаса Трешема лорду Монтиглу, о чем королю было сообщено в виде ин-

¹⁰ Комментарий В.С. Макарова: «Дополнительная отсылка – к степени “Doctor of Divinity”, которой, впрочем, у Гарнета не было». [DD – доктор богословия]

формации о поступившем якобы анонимном письме. Организатором заговора был не Сесил, но Сесил получил возможность продемонстрировать королю свою полезность. Он достиг личных политических целей и расстроил попытки смягчения антикатолического законодательства [12].

Постепенно Пороховой заговор мифологизировали, каждой черте придали символическое значение. И подвал, и порох стали прямо-таки свидетельствами сатанинского замысла, проистекавшего из ада. Джеймс Шапиро [19, р. 208–209] обращает внимание на гравюру Майкла Дройсхута «Пороховая измена... задуманная в аде, проклятая на небесах» (Michael Droeshout. «The powder treason... founded in hell, con-founded in heaven»). 635 мм x 385 мм).

В центре изображены Яков и члены парламента – предполагаемые жертвы, по-видимому, не задумывавшиеся о том, какие силы добра и зла стоят за ними, пока они заседают в парламенте. Над ними – охранявшие их ангелы под всевидящим оком Господним. Под ними – Гай Фокс с бочками пороха. Расположение портретов заговорщиков могло пародировать «Тайную вечерю»: в центре – овальный портрет отца Гарнета, по правую и левую руку от него – по шесть поясных портретов бунтовщиков. Слева внизу – священник, клянущийся своим молчанием покрыть тех, кто готовит взрыв. Справа внизу – казнь заговорщиков. Между этими двумя сценами – картина ада и дьяволов, ожидающих заговорщиков, их изменнические души. Надпись подтверждает изображение: «их жизни языческие, практика дьявольская, дела проклятые, конец печальный» [19, р. 209].

Если обратиться к Шекспиру (текст будет рассмотрен в следующей статье), очевидно, что в «Макбете» он рисует картину общества, проникнутого тиранией и эквивокацией, при этом он максимально далек как от пропагандистского характера, так и от однозначности – плакатности изображения. Ад, куда прибывают души грешников, на мгновение мелькнет в сознании привратника в замке Макбета.

Источники

1. The Arden Shakespeare: Complete Works / ed. Richard Proudfoot, Ann Thompson and David Scott Kastant. – London: Thomson Learning, 2001 (revised edition; first published 1998). – 1347 p.
2. Shakespeare, W. *Macbeth* / W. Shakespeare; ed. Sandra Clark, Pamela Mason. – London: Bloomsbury Arden Shakespeare, 2015. – 381 p.
3. Шекспир, У. *Макбет: великие трагедии в русских переводах* / У. Шекспир; пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой. – Москва: ПРОЗАиК, 2015. – 431 с.
4. Шекспир, У. *Макбет* / У. Шекспир; пер. В. Гандельсмана // Шекспир У. *Макбет. Гамлет*. – Москва: Новое издательство, 2010. – С. 7–173.

Литература

5. Неретина, С.С. Эквивокация / С.С. Неретина // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* – Москва: Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 417–419.
6. Amneus, Daniel. *The Mystery of Macbeth* / D. Amneus. – Alhambra, CA: Primrose Press, 1983. – 95 p.
7. The Case of Concealment or Mental Reservation, April 1613 / Ellesmere MS 2191 // Petti Anthony G. (ed.) *Recusant Documents from the Ellesmere Manuscript*, Catholic Record Society Publications. – Vol. 60. – 1968. – Pp. 345–356.
8. Clark, Arthur Melville. *Murder Under Trust: The Topical Macbeth and Other Jacobean Matters* / Arthur Melville Clark. – Edinburgh: Scottish Academic Press, 1981. – 195 p.
9. Dures, Alan. *English Catholicism, 1558–1642: Continuity and Change* / Alan Dures. – Harlow, Essex: Longman, 1983. – 118 p.
10. Durst, Paul. *Intended Treason: What Really Happened in the Gunpowder Plot* / Paul Dures. – South Brunswick, New York, London: A. S. Barnes, 1970. – 352 p.
11. Edwards, Francis. *Guy Fawkes: the Real Story of the Gunpowder Plot?* / Francis Edwards. – London: Rupert Hart-Davis, 1969. – 266 p.; Edwards, Francis. *The Enigma of Gunpowder Plot, 1605: The Third Solution* / Francis Edwards. – Dublin: Four Courts Press, 2008. – 510 p.
12. Fraser, Antonia. *The Gunpowder Plot: Terror and Faith in 1605* / Antonia Fraser. – London: Weidenfeld & Nicolson, 1996. – 347 p.
13. Halley, Janet E. *Equivocation and the Legal Conflict Over Religious Identity In Early Modern England* [Электронный ресурс] / Janet E. Halley // *Yale Journal of Law & the Humanities*. – 1991. – Vol. 3. – Is. 1. – Article 3. – Режим доступа: <http://digitalcommons.law.yale.edu/yjlh/vol3/iss1/3>
14. Hughes, Philip. *Rome and the Counter-Reformation in England* / Philip Hughes. – London: Burns, Oates, 1942. – 446 p.
15. Jardine, David (ed.). *Preface to A Treatise of Equivocation* / David Jardine. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – xxix p.
16. Klause, John. *Shakespeare, the Earl, and the Jesuit* / John Klause. – Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2008. – 339 p.
17. Paul, Henry Neil. *The Royal Play of Macbeth: When, Why, and How It Was Written by Shakespeare* / Henry Neil Paul. – New York: Macmillan, 1950. – 438 p.
18. Scallon, Joseph D. *The Poetry of Robert Southwell, S.J.* / Joseph D. Scallon. – Salzburg: Institut für Englische Sprache und Literatur, Universität Salzburg, 1975. – Pp. 52–53.
19. Shapiro, James. *1606. Shakespeare and the Year of Lear* / James Shapiro. – London: Faber and Faber, 2015. – 423 p.
20. Snyder, Susan. *Dating: The Jacobean Shakespeare and ‘All’s Well that Ends Well’* / Susan Snyder // *Shakespeare, William All’s Well that Ends Well* / ed. Susan Snyder. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – Pp. 20–24.
21. *A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London; 1554–1640* / ed. Edward Arber. 5 vols. – London: privately printed, Birmingham, 1875–1894. – Vol. II. – 281b.
22. *A Treatise of Equivocation* / ed. David Jardine. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – 180 p.
23. Shakespeare W. *Macbeth* / W. Shakespeare; ed. John Dover Wilson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1947. – P. xli.

L.V. Yegorova

EQUIVOCATION IN SHAKESPEARE'S *MACBETH* AND ITS HISTORICAL CONTEXT

Equivocation permeates the whole world of *Macbeth*. The weird sisters and apparitions, Macbeth and his lady, all Macbeth's countrymen tend to pervasive equivocation as Macbeth's tyranny and everybody's double-thinking intensify. The article reconstructs the historical context: how and why the problem of equivocation became so vital in 1606. The author dwells on the unlawful activities of the Jesuits Robert Southwell and Henry Garnet, their persecutions and trials in 1595 (Southwell) and 1606 (Garnet), discussions of the doctrine of equivocation, the ways to equivocate. The context is important for understanding of *Macbeth* and translating it into Russian.

Macbeth, William Shakespeare, equivocation, mental reservation, *A Treatise of Equivocation*, Robert Southwell, Henry Garnet, The Gunpowder Plot.